

На правах рукописи

Жидяева Елена Сергеевна

**КРИМИНОГЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: РАЗВИТИЕ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНЗИЦИИ**

22 00 04 - Социальная структура,
социальные институты и процессы

003 17604 1

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации
на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Краснодар - 2007

**Работа выполнена в Краснодарском университете МВД России
на кафедре философии и социологии**

Научный руководитель: доктор социологических наук, доцент
Епифанцев Сергей Николаевич

**Официальные
оппоненты.** доктор социологических наук, профессор
Самыгин Сергей Иванович
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ)
г. Ростов-на-Дону.
доктор социологических наук, профессор
Хунагов Рашид Думалиевич
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп

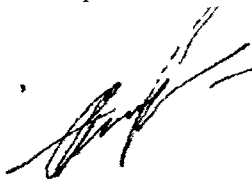
Ведущая организация: Педагогический институт ФГОУ ВПО
«Южный федеральный университет»

Защита состоится «13» ноября 2007 г. в 11 00 часов на заседании диссертационного совета КМ 203 017 01 по философским и социологическим наукам в Краснодарском университете МВД России (350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128, зал заседаний диссертационного совета)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Краснодарского университета МВД России (350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128)

Автореферат разослан «10» октября 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат социологических наук

С. Г. Черников

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования Глубокие изменения во всех сферах общественной жизни, вызванные социетальной трансформацией, определяют необходимость обращения к исследованию сущности трансформации как таковой, направленности и характера ее осуществления в России, а также выведения закономерностей посттрансформационного развития и перехода к рынку «нерыночных» обществ. Как свидетельствуют исследования, посттрансформационная реальность значительно отличается от представления о ней, сложившихся априори у инициаторов и теоретиков реформ. Известная утопичность этих представлений определялась, прежде всего, непониманием длительности реальных преобразований, масштабности их социальной цены, значительности социокультурных и социально-психологических ограничений на пути к рынку, связанных со спецификой российского менталитета. Практика осуществления трансформации общества стала подлинным критерием адекватности избранной реформаторами стратегии и показала, что теоретические представления о переходе российского общества к рынку нуждаются в корректировке и уточнении.

Одним из наиболее важных аспектов такой корректировки должно стать более глубокое социологическое исследование комплекса явлений, который можно, по нашему мнению, назвать «посттрансформационным синдромом». Наличие посттрансформационного синдрома в той или иной степени прослеживается во всех обществах, переживающих социетальную трансформацию. Что касается его сущности, то она определяется совокупностью деструктивных для социальной ткани временных изменений в характере общественной жизнедеятельности, обусловленных радикальным разрывом с прежней системой ценностей, обеспечивавшей социетальное единство, ломкой прежних, привычных институциональных форм, в которых осуществлялись социальные практики, масштабными сдвигами и деформациями в стратификационной структуре общества. Причем радикальная ломка старого вызывает посттрансформационный синдром не просто самой своей радикальностью: негативные следствия трансформации тем значительнее, чем менее общество в целом было действительно, а не в субъективных представлениях, готово к предстоящим изменениям – психологически, идеологически, технико-технологически, экономически и социально.

Рассматривая посттрансформационный синдром как некую целостность, как системное состояние а нам представляется, что это

единственно верный подход к его исследованию необходимо остановить внимание на такой характеристике этого состояния, как повышенная криминогенность. Действительно, как мы видим на практике, в пореформенном российском обществе наблюдается активизация криминогенных процессов, что проявилось в распространении криминальных форм поведения, росте правового нигилизма в общественном мировоззрении, развитии коррупции на всех уровнях, сращении коррумпированных представителей властных и силовых структур с организованной преступностью, в криминальном характере становления российского бизнеса, в повышении интереса общества к криминальному как таковому, в чем не последнюю роль сыграла массовая культура и деятельность СМИ, в охвате криминализацией различных возрастных и гендерных групп, особенно молодежи, подростков, детей.

Нам представляется, что правомерным и актуальным было бы рассмотрение источников криминогенности современного российского общества в едином контексте «посттрансформационного синдрома». Актуальность такой постановки проблемы определяется, с одной стороны, очевидной связанностью роста преступности с разрушительным воздействием радикальных перемен в обществе и с необходимостью глубже исследовать эту связь. С другой стороны исследование криминогенных процессов как части «посттрансформационного синдрома» актуально в силу того, что оно дает возможность осмысления закономерности и преходящего характера этого явления как обусловленного объективными особенностями переживаемого обществом периода. Наконец, это исследование актуально и потому, что позволяет осмыслить на новом уровне социальную опасность криминогенных процессов в обществе и наметить перспективы противодействия этой тенденции в контексте перехода от посттрансформационного состояния к периоду социальной стабилизации.

Степень научной разработанности темы. Ввиду острой актуальности на сегодняшний день проблемы криминализации посттрансформационного российского общества исследования на данную тему широко представлены в отечественной научной литературе. Поскольку факторы ускоренного развития криминогенных процессов в данном случае имеют преимущественно социально-экономическую природу, их изучение осуществляется на стыке криминологии, социологии и экономики и отражено в многочисленных публикациях в рамках перечисленных дисциплин. Необходимо отметить, в первую очередь, ряд фундаментальных криминологических исследований, выполненных авторскими коллективами под руководством известных ученых. А. И.

Алексеева, А И Долговой, В Н Кудрявцева, Н Ф Кузнецовой, В В. Лунеева, Г М Миньковского, В Е Эминова и др , в которых рассматриваются общетеоретические и частные аспекты процесса криминализации современного российского общества

Помимо этого, имеется значительное число исследовательских работ, осуществленных как в рамках криминологии и правоведения, так и в предметном поле социологии, в которых исследуются мировоззренческие и культурно-правовые факторы криминализации российского общества, – это исследования таких отечественных авторов как Н Варламова, Я И Гишинский, В Гойман, В А. Дубовцев, А Колесников, В Ломовский, Н Матузов, И Невважай, А Новиков, А Семитко, Э Соловьев, В Туманов, С Шейфер Глубокая укорененность в российской культуре правового нигилизма и его актуализация под влиянием посттрансформационного синдрома рассматривается как важнейший мировоззренческий и социально-психологический фактор развития криминогенных процессов в современной России в работах А Альбова, Р Байниязова, В Бегинина, В Лапаевой, В Мапельмана, И Невважая, А Окусова, М Смоленского, Ю Чуфаровского и др

Процессы габитуализации иллегальных социальных практик, кризис нормативно-правовой регуляции, рост неформального сектора социальных отношений анализируются как последствия посттрансформационного синдрома и факторы криминализации современного российского общества в работах крупных отечественных социологов, таких как З Голенкова, Т Заславская, Р. Капелюшников, Л Косалс, В Локосов, А Олейник, В Радаев, Р Рывкина, О Яницкий и др

Факторы криминализации общества, восходящие к качеству отечественной политической и управленческой элиты, прямо или косвенно затрагиваются в исследованиях по российской элитологии И Бунина, О Гаман-Голутвиной, В Гельмана, А Кара-Мурзы, С Кислицына, О Крыштановской, А Панарина, А Понделкова, В Черноуса, Е Шестопаля и др При этом непосредственный анализ теневых и неформальных сторон деятельности российской управленческой элиты, сближения ее представителей с криминальными сообществами и структурами развит в работах М Афанасьева, С Барсуковой, В Воронова, В Воротникова, Т Заславской, И Клямкина, Л Колесниковой, Ю Лотова, А Макарина, Т Нестика, В Римского Р Рывкиной, Н Седовой, А Старостина, Л Тимофеева, В Титова, М Шабановой и др.

Распространение коррупции во властных структурах исследуется В Бурлаковой, М Гавриловым, М Горным, С Гребениченко, М Гришанковым, А Гуровым, В Давыдовым, А Дукой, В Лунее-

вым, А Марковой. О Митрошенковым, Г Мишиным, В Сальниковым, Г Сатаровым, М Шабановой и др

Процесс криминализации общественного сознания россиян анализируется в работах Т Заславской, Р Капелюшникова, Л Косалса, А Олейника, Г Осадчей, А Хлопина, О Яницкого и др Такие авторы, как И Викентьев, А Здравомыслов, В Коган К Лоренц, И Панарин Е Улыбина отмечают и убедительно обосновывают криминализирующее влияние на общественное сознание негативных сторон деятельности СМИ и распространения массовой культуры

Тем не менее, несмотря на обилие публикаций по теме диссертации и высокий уровень ее разработанности в литературе, в настоящее время недостает специальных исследований, в которых криминализация современного российского общества рассматривалась бы во взаимосвязи с посттрансформационными процессами В настоящей диссертационной работе, согласно замыслу автора, ставится цель восполнить этот пробел

Цель исследования заключается в осуществлении социологического анализа факторов и траекторий развития криминогенных процессов в российском обществе переходного периода

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих промежуточных исследовательских задач

исследовать состояние нормативных лагун и качество социального контроля, связанных с переходным состоянием современного российского общества, в качестве факторов развития криминогенных процессов в нем,

выявить влияние посттрансформационной ценностной дезинтеграции общества, состояния психологической аномии как кризисного аксиологического контекста развития криминогенных процессов,

проанализировать влияние генерализации иллегальных практик на формирование теневого социального порядка в качестве факторов, стимулирующих криминогенность,

проанализировать коррумпированность и криминализацию управленческих элит как важнейшего направления криминогенных процессов в современном российском обществе,

обосновать роль организованной преступности и криминального перерождения правоохранительных структур как важнейшей траектории развития криминогенных процессов в современном российском обществе,

определить масштабы криминализации массового сознания и поведения россиян на уровне повседневных практик и показать ее зна-

чимость с точки зрения развития криминогенных процессов в обществе

Объектом данного диссертационного исследования являются криминогенные процессы в современном российском обществе

Предмет исследования составляют факторы и основные траектории развития криминогенных процессов в российском обществе в условиях социальной трансформации

Теоретико-методологической основой исследования послужили труды классиков социологии и современных исследователей, разработавших методологические подходы к изучению влияния социальных факторов на состояние и развитие преступности Э Дюркгейма, Р Мертон, Т Селлина и др. В рамках подхода к пониманию социальной природы преступности, развитого Э Дюркгеймом и криминологами социологической ориентации – Г Гентилом, Э Сатерлендом, Ф Танненбаумом, криминогенные процессы рассматриваются в их генетической связи с социальными процессами, состоянием норм и ценностей общества, а также социальных институтов. Существенную роль для методологической ориентации исследования играет теория социальной и психологической аномии, созданная Э Дюркгеймом и Р Мертоном и переосмысленная применительно к ситуации кризисов переходных обществ в частности, российского, рядом отечественных исследователей. Большое значение для решения задач, связанных с анализом влияния аксиологического контекста как фактора криминализации общества, имела концепция социальных ценностей Т Парсонса. В ходе исследования автор в значительной мере опирался на идеи и концепции современных российских социологов, касающиеся закономерностей переходного периода социального развития, специфических особенностей посткоммунистической трансформации, формирования «посттрансформационного синдрома».

В исследовании содержатся следующие элементы **научной новизны**.

доказано, что связанная с переходным периодом развития общества нормативная неопределенность, проявляющаяся в наличии институциональных и правовых лакун и ослаблении социального контроля является элементом посттрансформационного синдрома и фактором ускоренного развития криминогенных процессов в современном российском обществе,

установлено, что закономерные для посттрансформационного периода ценностная дезинтеграция общества, психологическая аномия, в целом, образуют аксиологический контекст, стимулирующий разви-

тие криминогенных процессов,

выяснено, что всеобщий характер распространения в современном российском обществе вследствие посттрансформационного состояния ценностно-нормативной неопределенности иллегальных социальных практик и формирование на этой основе теневого социального порядка выступает фактором ускоренного развития криминогенных процессов,

обосновано, что коррупция и криминализация управленческих элит современного российского общества является одной из основных траекторий распространения криминальных моделей социальных взаимодействий на все общество

установлено, что криминальное перерождение правоохранительных структур и сращение их с организованной преступностью является одной из основных траекторий развития криминогенных процессов в посттрансформационном российском обществе,

доказано, что всеобщность и масштабность криминализации массового сознания рядовых акторов и вовлеченности их в неправоновые повседневные практики делают этот процесс основной траекторией развития и распространения криминогенных процессов в российском обществе переходного периода

Новизна исследования нашла отражение в следующих положениях, выносимых на защиту

1 Закономерной составляющей посттрансформационного синдрома является институционально-нормативная неопределенность, возникающая вследствие асинхронности реформирования отдельных подсистем и институтов социальной системы, несоответствия темпов возникновения новых социальных практик темпам формирования новых регулирующих их норм. В силу этого появляются и длительное время существуют лакуны в нормативном регулировании повседневной жизнедеятельности общества, стихийно заполняемые неформальными правилами игры, принимающими характер всеобщих норм. Соответственно этому сокращаются возможности осуществления институционально-правового контроля над социальными практиками, что составляет объективную предпосылку расширенного развития криминогенных процессов

2 Быстрый рост социальной дифференциации и сопутствующее ему стремительное разрушение социетального единства ценностей до состояния мировоззренческого и аксиологического вакуума, неспособность общества в краткие сроки выработать новые ценности с достаточным интегративным потенциалом, психологическая аномия

обусловленная утратой ценностно-нормативных ориентиров и связанных с ними личностных смыслов, образуют единый, организованный по нигилистическому типу аксиологический контекст, выступающий стимулом формирования на уровне массового сознания толерантности к неправомерному и криминальному поведению и ощущения дозволенности его как способа решения повседневных жизненных проблем

3 На основе указанных институциональных и ценностно-мировоззренческих предпосылок, обусловленных посттрансформационным синдромом, в современном российском обществе произошло широкомасштабное распространение иллегальных социальных практик, в которые оказались вовлеченными акторы всех уровней. Теневые экономические отношения и регулирующие их неформальные нормы приобрели всеобщий характер, в результате их габитуализации и воспроизводства во всех сферах жизни общества сложился теневой социальный порядок, блокирующий государственно-правовой и общественный контроль и являющийся питательной средой для развития и распространения преступности

4 Воспроизводство социального порядка интегрирующего и поддерживающего всеобщий характер распространения неправомерных взаимодействий, осуществляется через ряд более частных процессов, которые можно рассматривать как базовые траектории развития криминогенных процессов. Одной из таких траекторий является распространение коррупции среди представителей управленческих структур всех уровней, способствующее развитию правового нигилизма и криминальных личностных черт у акторов, социально-профессиональный статус которых определяет социальную значимость их повседневной деятельности, а также приводящее к расширенному тиражированию коррупционной модели поведения в обществе и к ее габитуализации

5 В качестве базовой траектории развития криминогенных процессов в современном российском обществе следует рассматривать криминальное перерождение представителей правоохранительных структур и их сращивание с организованной преступностью, блокирующее нормальное осуществление институционально-правового контроля и выступающее фактором углубления отчуждения населения от государства и права, роста массового правового нигилизма, дальнейшего кризиса норм и ценностей. Ощущаемая акторами в этой связи незащищенность их личностных прав, повышенный риск повседневных взаимодействий выступает препятствием для нормальной идентификации своих интересов с интересами государства и общества и способствует формированию идентификации с неформальным социальным поряд-

ком

6 Наиболее значимой траекторией развития криминогенных процессов в современном российском обществе является развитие деформаций массового сознания россиян, связанное с актуализацией нигилистических установок по отношению к праву патологической толерантностью к неправовым социальным взаимодействиям, неготовностью к защите собственных прав, распространенностью самодеструктивных и девиантных форм поведения, выступающих фоном и стимулом вовлечения в криминальную деятельность

Научно-практическая значимость диссертации определяется острой актуальностью проблем, связанных с развитием криминогенных процессов в современном российском обществе, а также тем, что полученные в ходе исследования результаты позволяют углубить и систематизировать имеющиеся теоретические представления о факторах и основных траекториях развития криминогенных процессов в посттрансформационном социальном пространстве

Материалы диссертации могут быть использованы при чтении общих и специальных курсов по социологии, социологии права, криминологии

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедр Краснодарского университета МВД России, теории и истории государства и права НОУ ВПО «Отраденский гуманитарный институт» и прошли апробацию на ряде всероссийских и региональных научно-практических конференций По теме диссертационного исследования автором опубликовано 3 научных статьи и тезиса, 1 научное издание и 1 учебное пособие общим объемом 7,4 п л

Структура диссертации обусловлена ее исследовательскими задачами и состоит из введения, двух глав, содержащих шесть параграфов, заключения, списка использованной литературы. Общий объем работы - 164 страницы

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во «Введении» обосновывается актуальность темы диссертации, раскрывается степень ее научной разработанности, определяются цель и задачи исследования, формулируются положения, выносимые на защиту

В главе 1. «ПОСТТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ СИНДРОМ КАК КРИМИНОГЕННОЕ СИСТЕМНОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА» основной задачей является обоснование существования посттрансформационного синдрома, как специфического состояния общества, его систем и институтов, стимулирующего ускоренное развитие криминогенных процессов, выявление и анализ основных проявлений этого состояния в современном российском обществе и раскрытие их роли как факторов криминализации общества

Параграф 1.1 «Нормативно-институциональные лакуны и ослабление социального контроля в пореформенном российском обществе» посвящен рассмотрению такого элемента посттрансформационного синдрома как наличие нормативных и институциональных лагун, вытекающего из него ослабления социального контроля и влияния этих факторов на распространение криминальных практик в российском обществе

Автор показывает, что изучение феномена криминогенность российского общества в контексте трансформационных процессов предполагает применение адекватной методологии. Активизация криминогенных процессов в социальной жизни свидетельствует о фундаментальном переструктурировании социума: этот процесс затронул нормативно-институциональную структуру общества. Поэтому использование институционального подхода, по мнению автора, будет способствовать всестороннему и глубокому анализу процесса криминализации в условиях ослабления нормативно-правового и социального контроля.

Понятие нормативного порядка общества обозначает взаимодействие индивидов и групп, которые ориентируются на общие и структурные правила, и ожидают, что их потребности и интересы будут удовлетворены в рамках принятых правил и социального контроля. Порядок социальных отношений может быть гарантирован не только внешним социальным контролем, но и культурной легитимацией, как верой людей в справедливость норм. Институционализация социального порядка означает наделение нормативной системы общества обоснованным юридическим статусом, общеобязательным определением прав и обязанностей, которые устанавливаются государственными учреждениями. Институционализация находит свое завершение в социальном институте, системообразующим элементом которого являются ценности, причем ценности, разделяемые всеми участниками институционального взаимодействия. На базе разделяемых ценностей и для их поддержания создается система норм и правил. Институты

определяют правила поведения и способы поддержания этих правил, которые одновременно ограничивают и стимулируют повседневное действие акторов. Так возникают формальные и неформальные правила, первые закрепляются в законах и разного рода письменных предписаниях, которые обязательны для исполнения и претендуют на всеобщность, публичность и «прозрачность», последние, напротив, часто действуют скрыто.

На основе существования в обществе формальных и неформальных правил складываются соответствующие практики повседневного действия. Функциональная роль неформальных правил в экономической сфере исследовалась, например, Д. Нортон, который показал, что хозяйственные агенты активно вырабатывают подлинно инновационные стратегии, нацеленные на установление и последующее воспроизводство неформальных правил. Это не обязательно ведет к тотальной криминализации, а скорее всего, если говорить о постсоветской России, к распространению полуправовой деятельности с применением «серых» управленческих схем, которые следует отделять от криминала в узком смысле слова.

В отношении характеристики текущего состояния институциональной среды в современной России необходимо отметить, что формальные институциональные рамки уже созданы, причем некоторые принятые законы соответствуют самым высоким международным стандартам (и в этом отношении переходный период в России завершен), главная же задача – заставить принятые законы работать. В контексте этой проблемы автор затрагивает вопрос о деформализации правил – когда прямая связь между правилом и его исполнением в практической жизни нарушается. Формальные правила вводятся законодателями и чиновниками таким образом, что их соблюдение хозяйственными агентами практически обязательно сопровождается значительными издержками – затратами времени, материальных и моральных ресурсов. При этом официальные органы почти всегда либо оставляют место для неопределенности, будучи не в силах заполнить все законодательные пустоты, либо вполне сознательно конструируют поле неопределенности в процессе согласования проектов законодательных и нормативных актов, резервируя возможности для различной произвольной трактовки формальных правил. Так, согласно исследованиям В. Радаева¹ специфическую особенность социального пространства пореформенной России составляет деформализация формальных пра-

¹ Радаев В. Деформализация правил игры и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики. 2001. № 6. С. 60–79.

вил и доминирование в социальной практике неформальных норм, что ведет к образованию институциональных лагун

Эффективность формальных нормативных предписаний составляет прямое условие нормального функционирования экономической подсистемы общества. Институциональный комплекс рыночного общества должен с необходимостью включать в себя эффективные формальные нормы, которые бы выступали основанием социальной регуляции. Господство формального права как базового регулятора социальных и экономических отношений – признак высокой степени развития институциональной среды такого общества. Оно проявляется в том, что формальные нормы выступают как всеобщие правила игры, обязательные к исполнению, нарушение которых обязательно влечет за собой негативные санкции. Однако в процессе деформализации, детально проанализированном В. Радаевым, прямая связь между правилом и его исполнением в практической жизни нарушается.

Автор отмечает, что деформализация поддерживается тем фактом, что формальные правила часто преднамеренно разрабатываются законодателями и чиновниками так, что при этом почти всегда либо невольно оставляется пространство неопределенности, ибо невозможно заполнить все имеющиеся законодательные лакуны, либо вполне сознательно создается область неопределенности в процессе согласования проектов законодательных и нормативных актов и тем самым целенаправленно создаются возможности произвольной трактовки формальных правил.

Закономерной составляющей посттрансформационного синдрома является институционально-нормативная неопределенность, возникающая вследствие асинхронности реформирования отдельных подсистем и институтов социальной системы, несоответствия темпов возникновения новых социальных практик темпам формирования новых регулирующих их норм. В силу этого появляются и длительное время существуют лакуны в нормативном регулировании повседневной жизнедеятельности общества, стихийно заполняемые неформальными правилами игры, принимающими характер всеобщих норм. Соответственно этому сокращаются возможности осуществления институционально-правового контроля над социальными практиками, что составляет объективную предпосылку расширенного развития криминогенных процессов.

Таким образом, одним из основных факторов развития криминогенных процессов в России стала неравномерность реформирования различных институтов и подсистем общества, асинхронность пре-

образования законодательства, в силу чего стихийное развитие социальных практик опережало становление их институционально-нормативной регламентации. Возникли и долгое время сохранялись институциональные и нормативные лакуны, что давало возможность осуществлять ряд практик на основе неформальной, удобной и выгодной для определенных групп акторов, регуляции. В результате складывалось неравновесное состояние базовой институциональной среды, наложившее свой отпечаток на функционирование экономической, политической, правовой подсистем российского общества.

Данная деформация повлияла на все сферы жизнедеятельности социума – экономическую, политическую, социальную – и нашла выражение в различных формах неправовых практик. В экономике распространение преступности обусловлено большей степенью выгоды для хозяйствующих субъектов неправовых принципов деятельности, чем легальных. В политической сфере произошла деформация правового поля, проявившаяся в противостоянии центра и регионов в области законодательной деятельности, криминализации механизма формирования региональных политических элит. В сфере социальных отношений ускорение криминогенных процессов связано с тем, что преобразованием экономики по рыночным принципам в основном воспользовались наиболее консолидированные и склонные к теневым коммерческим практикам группы.

В параграфе 1.2. «Ценностная дезинтеграция, социальная и психологическая аномия: аксиологический контекст развития криминогенных процессов» рассматривается посттрансформационная ценностная дезинтеграция и психологическая аномия в качестве составляющих аксиологического контекста этих процессов.

В трансформирующихся обществах наблюдается ломка социальных институтов, традиционно устоявшейся системы ценностей, возникает аксиологический вакуум, который характеризуется прежде всего общим снижением ценностного статуса морали, нравственности, размытостью ориентиров в понимании добра и зла. Состояние социальной неопределенности стимулирует напряженность в обществе, чувство тревожности и неуверенность в своем будущем постоянно сопровождают его граждан. Согласно результатам исследования, проведенного И. В. Задориным и Л. В. Шубиной, общий уровень тревожности россиян оказался довольно высоким: более половины граждан (66%) считают, что жизнь в стране становится в последнее время более опасной. На сегодняшний день ситуация в России выглядит в общем неудовлетворительно: более половины (59%) населения декларируют

неуверенность в своем будущем, об уверенности заявляют существенно меньше – 36% россиян². Показательным является то, что практически на уровне 1996 г сохранилась доля респондентов (2006 г), испытывающих страх перед «криминализацией общества»

В 90-е гг XX в. был запущен процесс социокультурной дезинтеграции, выражающейся в разрыве социокультурной преемственности, дискретности поколенческих опытов, утрате единого культурного кода социума, проблематизации социальной идентичности, идеологии, морали, традиции, дисфункциональности институтов, напрямую ответственных за социокультурную консолидацию общества. Эти процессы сопровождаются криминализацией всех основных структур, отношений и форм жизнедеятельности государственной власти и общества, ростом правового нигилизма среди всех групп населения.

Успехи преступного слоя и его идеологии размывают границы между законной и незаконной деятельностью в сознании населения, включая представителей власти, которые, оправдывая свои незаконные доходы или действия, фактически используют уголовную логику.

Криминальная идеология исподволь, например, в виде уголовного жаргона вторгается в повседневный лексикон обычных людей, включая политиков самого высокого ранга. Подобного рода лексикой засорены ведущие каналы российского телевидения и радио. Наибольшая опасность заключается в том, что она заражает сознание молодежи, стирая грань между нормой и девиацией, когда преступная деятельность рассматривается как «нормальная».

Автор отмечает, что кризис социальных ценностей был важным звеном в общем процессе роста уровня кризисности современного российского общества. Отсутствие реальной ценностно-мировоззренческой основы для социальной интеграции вело к декомпозиции общих, частногрупповых и индивидуальных интересов, к отчужденности от общества властных структур, ставя российское общество в 90-е гг на грань аномии. В настоящее время укрепление режима стабилизации в немалой степени зависит от ценностной интеграции общества, усиления его духовно-правственного потенциала.

Таким образом, закономерная для посттрансформационного периода ценностная дезинтеграция общества, связанная с «культурной травмой», утратой прежними ценностями интегративного потенциала, деидеологизацией, возникшей разобщенностью, ростом социального и имущественного неравенства, существенными различиями

² Задорин И.В. Шубина Л.В. Восприятие россиянами социальных рисков и угрозы состоянию и динамика за 10 лет // Полития. 2006. № 3.

условий и парадигмы воспитания старых и новых поколений, стала причиной аксиологического кризиса общества, наступления состояния психологической аномии, что в совокупности образовало плодотворный контекст для распространения правового нигилизма и индифферентности по отношению к праву, пересмотра социальных оценок поведения индивидов в сторону повышения толерантности к его неправовым и криминальным формам. В массовом мировоззрении россиян произошло ослабление морально-психологического барьера, препятствовавшего ранее распространению криминальных практик, что само по себе стало в условиях ослабления институционального контроля стимулом и фактором роста криминогенных процессов в современном российском обществе.

Быстрый рост социальной дифференциации и сопутствующее ему стремительное разрушение социального единства ценностей до состояния мировоззренческого и аксиологического вакуума, неспособность общества в краткие сроки выработать новые ценности с достаточным интегративным потенциалом, психологическая аномия, обусловленная утратой ценностно-нормативных ориентиров и связанных с ними личностных смыслов, образуют единый, организованный по нигилистическому типу аксиологический контекст, выступающий стимулом формирования на уровне массового сознания толерантности к неправовому и криминальному поведению и ощущения дозволенности его как способа решения повседневных жизненных проблем.

В параграфе 1.3. «Генерализация иллегальных социальных практик и формирование теневого социального порядка как криминогенный фактор» анализируется роль формирования обширного сектора иллегальных социальных практик и теневого социального порядка как криминогенного фактора макросоциального масштаба.

В современном российском обществе теневая экономика даже в условиях усиливающейся борьбы с ней государственных структур продолжает существовать и развиваться. Вполне закономерно, что ее прибыли уходят от налогов и могут использоваться для финансирования криминалитета. При формировании частного сектора экономики существовала возможность проникновения в управленческую структуру хозяйствующих субъектов лидеров организованных преступных групп, которые становились одновременно руководителями предприятий, организаций, финансово-кредитных учреждений. Под видом специалистов по охранной деятельности, по связям с другими фирмами и т.п. представители преступного мира в начале - середине 90-х гг. легко проникали в финансово-кредитные учреждения, создавали в них базу

своего влияния. По данным федеральной комиссии по ценным бумагам, в середине 90-х гг XX в действовало 833 так называемые «финансовые пирамиды», не имеющие лицензий, но и финансовые компании, которые формально действовали в рамках закона, имели лицензии, на поверку оказывались не менее криминальными. Реально, по всей вероятности, от финансовых аферистов пострадало более 20 млн человек. В итоге манипулирования процессом приватизации недвижимости оказывается в руках главарей преступных сообществ и групп. Приватизация привела к крайней степени социального расслоения общества, высокой коррупции, росту преступности, «теневизации» экономики. Главным итогом приватизации стало создание криминально-олигархического порядка в стране. К концу 1990-х гг российская организованная преступность контролировала значительный сектор российской экономики (около 40-45%) и все активнее вмешивалась в процесс государственного управления (ее представители были избраны в состав Государственной Думы и т.п.). Можно утверждать, что в России произошла криминализация экономической подсистемы. Так были заложены основы нового миропонимания, которое сводимо к простой формуле: можно купить все и всех, отношения купли-продажи стали тотальными.

Криминогенные процессы получают непрерывную «подпитку» со стороны сложившихся ТЭО и теневого социального порядка. В общих чертах причины этого заключаются в глубокой трансформации институциональной и нормативной систем российского общества. Теневой порядок – это сложная система частных правовых решений, неизбежно возникающая за рамками юридических законов, регулирующих отношения собственности. Корни его лежат, без сомнения, в теневой экономике. Гигантские масштабы теневой деятельности и ее четкая структурированность в современной России позволяют сделать вывод о наличии внутри страны своеобразной параллельной экономики с соответствующей системой управления, а также о беспрецедентном росте масштабов теневых отношений во всех сферах жизни общества и фактически об институциональной подмене легальных отношений теневыми. Это ведет к масштабной криминализации, ибо ТЭО, по мнению автора, выступают в качестве модулятора криминализации общества.

Всеобщность теневизации означает формирование и постоянное воспроизводство теневого социального порядка. Как пишет О. Яницкий, формирующийся в России социальный порядок представляет собой разрушение «нормального» (привычного) порядка жизни

и регулирующих его фоновых практик. Вместе с тем это среда (ситуация), заставляющая находящегося в ней «нормального» (мирного) индивида пересматривать присущую ему систему ценностей и повседневных практик под единственным углом зрения – самосохранения и выживания³. Логическим концом криминальных и теневых отношений является беспредел.

Автор подчеркивает, что на протяжении всего трансформационного периода спонтанно складывались практически во всех сферах российского общества различные формы слияния теневой экономики и официальных структур. Таким образом, закладывались основы легализации теневого сектора экономики и криминальных отношений, сложившихся в нем. Криминальные структуры, сконцентрировавшие огромные финансовые средства, получили значительное влияние на граждан, их политический выбор.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что теневая система экономических и социальных отношений, сложившаяся в российском обществе еще в позднесоветский период и получившая беспрецедентное по масштабам развитие в пореформенные десятилетия, представляет собой питательную среду для развития криминогенных процессов, включения в криминальные и иллегальные взаимодействия акторов, занятых в самых разных сферах социальной жизнедеятельности. Она в своей деятельности способствует массовой адаптации россиян к ценностям, целям и формам взаимоотношений, ассоциируемым с неформальными «правилами игры», или «жизнью по понятиям», к существованию вне сферы государственно-правового контроля и вне государственно-правовой защиты, к использованию тех способов поведения и социально-практических стратегий, которые, являясь иллегальными и криминальными, позволяют защищать частноэгоистические интересы в ущерб интересам государства и общества.

Формирование теневого социального порядка, составившего специфику посттрансформационного периода, выступает фактором развития криминогенных процессов в современном российском обществе. На основе институциональных и ценностно-мировоззренческих предпосылок, обусловленных посттрансформационным синдромом, в современном российском обществе произошло широкомасштабное распространение иллегальных социальных практик, в которые оказались вовлеченными акторы всех уровней. Теневые экономические отношения и регулирующие их неформальные нормы приобрели

всеобщий характер, в результате их габитуализации и воспроизводства во всех сферах жизни общества сложился теневой социальный поря- док, блокирующий государственно-правовон и общественный конт- роль и являющийся питательной средой для развития и распростране- ния преступности

В целом, изложенное в данной главе подводит к выводу о том, что специфика современного российского общества, прежде всего, определяется его переходным состоянием, что выражается в наличии системного посттрансформационного синдрома развития ряда нега- тивных явлений в жизни общества закономерных преходящих, обус- ловленных радикальными изменениями в ценностно-нормативной и институциональной сферах Эти изменения и сложность адаптации к ним акторов привели к формированию ряда факторов, объективно способствующих развитию в обществе криминогенных процессов

Задачей главы 2. **«Основные траектории развития кримино- генных процессов в современном российском обществе»** является выделение и анализ важнейших траекторий, т е каналов, по которым происходит криминализация

К таким каналам, как представляется автору, относятся корруп- ция и криминальное перерождение управленческих элит всех уровней, которые рассматриваются в параграфе 2.1 **«Коррупция управленче- ских элит в контексте криминогенных процессов»**

Коррупция признается многими исследователями одним из са- мых опасных проявлений криминализации государства Коррупция свидетельствует о разложении власти, когда публичные служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение публичных функций, ис- пользуют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в г руппо- вых интересах

По данным Генпрокуратуры РФ, объем рынка коррупции в Рос- сии сопоставим по доходам с федеральным бюджетом, его оценочная стоимость составляет более 240 млрд долларов Из 28 тыс коррупцион- ных преступлений, выявленных правоохранительными органами в те- чение восьми месяцев 2006 г, 9 тыс связаны со взяточничеством В последнее время растет число уголовных дел коррупционной направ- ленности в отношении руководителей и глав администрации, хотя сре- ди подсудимых по-прежнему преобладают сотрудники низового зве- на⁴

⁴ Индекс Восприятия Коррупции-2006 // www.psdpru/rus/news/in_country_document1556.shtml

Опасность коррупции коренится в политическом влиянии, которое могут оказывать политики и правительственные чиновники на бюрократические институты, судебную и правоохранительную систему. Такая коррупция неизбежно мультиплицируется на все общество, являясь своеобразным «законодателем моды», на коррупцию для должностных лиц и властных структур всех уровней поистине становится системообразующим фактором.

Приоритетная роль в процессе криминализации социальных отношений принадлежит «элитной коррупции». Особенно опасным в плане развития коррупции стало сращивание некоторых федеральных и местных органов власти с различными криминальными и антиобщественными группировками. Статистически и социологически подтвердить существующую связь между криминальностью правящих элит и общей преступностью затруднительно из-за закрытости правящих кругов. Латентность преступлений должностных лиц в целом является высокой. Элита фактически управляет деятельностью правоохранительных органов и судов, которые не имеют реальной возможности руководствоваться только законом. Диапазон потенциальной и фактической неправомерности поведения некоторых групп российской политической элиты очень широк – от прихода к власти любой ценой до выколачивания для себя всевозможных благ с использованием своего служебного положения. Известно, что в теневой экономике России прокручиваются громадные деньги, отмывая «грязные» деньги организованная преступность легко может позволить себе создание «грязных» фондов коррумпированных политиков и государственных чиновников. Из этих фондов осуществляется финансирование отдельных журналистов и средств массовой информации, на прямые взятки, незаконные платежи и гонорары, комиссионные вознаграждения отдельным государственным чиновникам, политическим деятелям, представителям властных структур и др. Делается это еще и для получения выгодных заказов, контрактов, лицензий, налоговых льгот и привилегий.

Теневые заработки составляют основную часть дохода чиновников, а система откатов чиновникам и депутатам настолько укоренилась, что многие компании закладывают соответствующие средства в бюджет (по данным ЕБРР и ВБ, в России доля откатов в общей стоимости госконтрактов составляет 1,99%, а остальных взяток в годовых продажах компаний – 1,07%). Кроме того, отмечаются рост политической коррупции и коррупции в судебных, правоохранительных и контрольных органах. «Если в ближайшее время не будут приняты радикальные меры, < > восторжествует консолидированная коррупцион-

ная схема, имеющая своей целью формирование на территории России нового социально-экономического образования, ориентированного исключительно на обогащение незначительной части общества за счет большинства»⁵

Показательными являются данные ВЦИОМа о том, какие сферы и институты в современной России, по мнению россиян, в наибольшей степени поражены коррупцией⁶

Какие сферы и институты в современной России, по Вашему мнению, в наибольшей степени поражены коррупцией? (до трех ответов)

Какие сферы и институты в современной России, по Вашему мнению, в наибольшей степени поражены коррупцией? (до трех ответов)	
Власть на местах	31
ГАИ	30
Все общество в целом	23
Милиция	22
Федеральная власть	20
Крупный бизнес	16
Судебная система	14
Сфера медицины	11
Образование	10
Военкоматы	9
Шоу бизнес	9
индустрия развлечений	9
Армия	5
Парламент (Государственная Дума, Совет Федерации)	4
Политические партии	3
Сфера торговли	3
Средства массовой информации	2
Затрудняюсь ответить	6

Главной причиной коррупции 43% респондентов считают жадность и аморальность российских чиновников и бизнесменов, 35% — неэффективность государства и несовершенство законов, 18% — низкий уровень правовой культуры и законопослушания большинства населения

Автор отмечает, что современное российское общество унаследовало от советского периода низкое качество управленческой элиты, ее отчужденность в своих интересах и целях как от населения, так и от государства, неподконтрольность ни государству, ни обществу. В ходе трансформации не произошло радикального обновления элиты, и

⁵ Общественная палата: коррупция в России угрожает государственному строю / Грант.ru

⁶ Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 27–28 мая 2006 г. Опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. (Источник: Пресс-выпуск № 481. Еще раз о коррупции: институциональный аспект (29.06.2006 г.) / wciom.com)

кадры партноменклатуры в своем подавляющем большинстве сохранили за собой посты в системе государственного управления, обновленной системе политической власти, вошли в структуры управления на местах, сохранив многие привилегии и приобретя новые, получив новые возможности обогащения и новые каналы влияния. Распространение коррупции среди деятелей власти, управления, чиновников всех уровней стало следствием, с одной стороны, отсутствия должного государственного и правового контроля за их деятельностью, с другой – благоприятности новых институциональных условий рыночного общества для бесконтрольного обогащения и потребления при отсутствии морально-психологических элементов сдерживания.

Масштабность коррупции управленческих кадров способствует развитию правового нигилизма и криминальных личностных черт у акторов, социально-профессиональный статус которых определяет социальную значимость их повседневной деятельности, а также приводит к расширенному тиражированию коррупционной модели поведения в обществе и к ее габитуализации, тем самым выступая важным каналом криминализации общества.

В заключение параграфа автор делает следующие выводы. Воспроизводство социального порядка, интегрирующего и поддерживающего всеобщий характер распространения неправовых взаимодействий, осуществляется через ряд более частных процессов, которые можно рассматривать как базовые траектории повышения криминагенности общества. Одной из таких траекторий является распространение коррупции среди представителей управленческих структур всех уровней. Современное российское общество унаследовало от советского периода низкое качество управленческой элиты, ее отчужденность в своих интересах и целях, как от населения, так и от государства, неподконтрольность ни государству, ни обществу. В ходе трансформации не произошло радикального обновления элиты, и кадры партноменклатуры в своем подавляющем большинстве сохранили за собой посты в системе государственного управления, обновленной системе политической власти, вошли в структуры управления на местах, сохранив многие привилегии и приобретя новые, получив новые возможности обогащения и новые каналы влияния. Распространение коррупции среди деятелей власти, управления, чиновников всех уровней стало следствием, с одной стороны, отсутствия должного государственного и правового контроля за их деятельностью, с другой – благоприятности новых институциональных условий рыночного общества для бесконтрольного обогащения и потребления при отсутствии морально-психо-

логических элементов сдерживания

Масштабность коррупции управленческих кадров способствует развитию правового нигилизма и криминальных личностных черт у акторов, социально-профессиональный статус которых определяет социальную значимость их повседневной деятельности, а также приводит к расширенному пиражированию коррупционной модели поведения в обществе и к ее табуализации, тем самым выступая важным каналом распространения криминальных процессов

В параграфе 2.2. «Развитие организованной преступности и криминальное перерождение правоохранительных структур» рассматривается процесс перерождения правоохранительных структур и сращивания их с организованной преступностью

За последние 16 лет развитие организованной преступности стало одной из главных проблем российского общества, приобретающей характер национального бедствия. Российскую организованную преступность от ее аналогов в других странах отличает в первую очередь предпринимательская направленность. По оценкам МВД России, в 2000 г. в Российской Федерации организованная преступность контролировала в той или иной степени 40% частных предприятий, 60% государственных предприятий, от 50% до 85% банков в Российской Федерации⁷. Практически ни один сектор экономики не защищен от ее воздействия. Структуры организованной преступности настолько сильно переплелись с легальным бизнесом, что порой сложно провести грань между тем, где кончается легальный бизнес и начинается преступная деятельность.

Социальная среда организованной преступности значительно расширилась за счет той части законопослушного населения, которая оказалась из-за социально-экономического кризиса невостребованной в позитивных сферах жизнедеятельности общества и вынуждена была прибегать к деятельности уже существующих преступных сообществ или объединяться в них для адаптации к усложнившимся условиям через преступное поведение (бывшие спортсмены, военнослужащие или сотрудники спецподразделений правоохранительных органов, программисты, квалифицированные фармацевты и т.д.)⁸.

Наибольшее опасение вызывают подкуп ОПФ правоохранитель-

Захаров И. В. Коррупция в условиях системной трансформации на постсоветском пространстве. Проблемы современной экономики. 2006. № 3(19).

⁸ См. Шестер А. В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности. Тюмень. 2005. С. 41-42.

ных органов и их криминальное перерождение. Наиболее распространенными формами криминального перерождения правоохранительных органов являются совершение преступлений как связанных, так и не связанных с использованием своих служебных полномочий, сращивание с преступными элементами. Милиция за годы реформ глубоко выросла в экономику, стала одним из крупных партнеров бизнеса, поставщиком разного рода услуг в вопросах безопасности и не только. Взаимодействие милиции с бизнес-структурами включает в себя также разнообразные силовые и информационные услуги, такие, как выбивание долгов, затруднение деятельности конкурентов, сбор компромата и др. Эта переориентация таит в себе по крайней мере две тенденции: 1) усиление милиции, имеющей достаточно крупное дополнительное финансирование, помимо государства, 2) усиление криминализации милиции. Криминальное перерождение правоохранительных органов криминализирует всю социальную систему, социальные структуры и другие группы населения.

Что касается борьбы с организованной преступностью, то, как подчеркивает автор, она часто оказывается «не по зубам» сотрудникам правоохранительных органов, которые предпочитают заниматься поимкой мелких преступников, все больше дистанцируясь в своей деятельности от преступности организованной. Это обусловлено как коррупцией в среде правоохранительных органов, суда и прокуратуры, так и реальной опасностью борьбы с настоящими бандитами.

В заключение автор отмечает, что в качестве базовой траектории развития криминогенных процессов в современном российском обществе следует рассматривать криминальное перерождение представителей правоохранительных структур и их сращивание с организованной преступностью, блокирующее нормальное осуществление институционально-правового контроля и выступающее фактором углубления отчуждения населения от государства и права, роста массового правового нигилизма, дальнейшего кризиса норм и ценностей. Ощущаемая акторами в этой связи незащищенность их личностных прав, повышенный риск повседневных взаимодействий выступает препятствием для нормальной идентификации своих интересов с интересами государства и общества и способствует формированию идентификации с неформальным социальным порядком.

Параграф 2.3. «Криминализация массового сознания и поведения на уровне повседневных практик» посвящен рассмотрению проблемы распространения правового нигилизма на уровне массового сознания россиян и масштабного вовлечения рядовых акторов в ил-

легальные и криминальные практики

Важнейшим фактором криминализации сознания в современном российском обществе стала массовая культура. Она определяет сегодня образ жизни многих людей, их взгляды, ценностные ориентации, привычки, манеры. Особую опасность представляет то, что через телевидение, радио, прессу, Интернет, на россиян обрушился поток низкопробной продукции, пропагандирующей социальные девиации. Все это способствует обеднению духовного мира личности, криминализации сознания молодых граждан, росту агрессивности в молодежной среде. СМИ в немалой степени участвуют в конструировании картины мира современной молодежи, пропагандируя деформированную систему ценностей, отчуждающую молодежь от национально-культурного наследия. Таким образом, СМИ являются одним из активных агентов, постоянно усугубляющим криминальную деформацию массового сознания, которая «к сожалению, все больше проявляется в «криминализации» быта, языка, сознания, культуры населения России»⁹. Автор подчеркивает, что криминальные образцы поведения, популяризируемые СМИ, являются реально действующими факторами криминализации общественного сознания и обладают широкими возможностями содержательного и эмоционального воздействия на общественные настроения.

Криминализация связана, прежде всего, с растущим нигилизмом относительно права, механизмов его действия. В массовом сознании сложилось несколько скептическое отношение к возможности привлечения к реальной ответственности виновных за совершенное преступление. Авторитет правоохранительных органов в глазах простых людей давно и прочно дискредитирован. В сознании граждан утвердилось «квазиморальное» оправдание того, что по своей сути аморально и преступно (воровство, взятки и т.д.), что является своеобразным идейным источником оправдания многими россиянами собственной криминальной зараженности на уровне бытовых отношений, хозяйственной деятельности.

Д. Саттер, определяя причины криминализации сознания в постсоветской России, полагает, что, может быть, «наиболее важным фактором, по сравнению с экономическим, была социальная психология новой системы, отличительной чертой которой стало всеобщее моральное равнодушие»¹⁰. Криминализация сознания — это продукты не

⁹ См. Подольный Н. А. Организованная преступность как институт общества. Следует ли с ним бороться? // Сведения. Федеральное издание. 2004. № 12. С. 51.

¹⁰ Саттер Д. Тьма на рассвете. Возникновение криминального государства в России. М. 2004. С. 9.

только экономического, но и духовного кризиса. Характер массового сознания является наиболее адекватным зеркалом состояния общества. Значительные патогенные изменения в массовом сознании отражают деструктивные сдвиги в обществе. Социальность как таковая базируется на четком различении того, что общество принимает, и того, что оно отвергает. Принятие массовым сознанием криминального поведения как социально, пусть и негласно, дозволенного является шагом к самодеструкции общества. У рядовых акторов современного российского общества сформировалась установка на допустимость криминального поведения, и в силу инерционного характера макросубъективных процессов эта установка еще длительное время будет определять отношение россиян к праву и его нарушению. Преодоление этой тенденции требует долгих сроков и глубоких изменений в мировоззрении общества.

В заключение автор подчеркивает, что наиболее значимой траекторией развития криминогенных процессов в современном российском обществе является развитие криминогенных деформаций массового сознания россиян, связанное с актуализацией нигилистических установок по отношению к праву, патологической толерантностью к неправовым социальным взаимодействиям, неготовностью к защите собственных прав, распространенностью самодеструктивных и девиантных форм поведения, выступающих фоном и стимулом вовлечения в криминальную деятельность. Характер массового сознания является наиболее адекватным зеркалом состояния общества. Значительные патогенные изменения в массовом сознании отражают деструктивные сдвиги в обществе. Социальность как таковая базируется на четком различении того, что общество принимает, и того, что оно отвергает. Принятие массовым сознанием криминального поведения как социально, пусть и негласно, дозволенного является шагом к самодеструкции общества. У рядовых акторов современного российского общества сформировалась установка на допустимость криминального поведения, и в силу инерционного характера макросубъективных процессов эта установка еще длительное время будет определять отношение россиян к праву и его нарушению. Преодоление этой тенденции требует долгих сроков и глубоких изменений в мировоззрении общества.

Таким образом, в настоящей главе своего диссертационного исследования выделили и проанализировали основные траектории развития криминогенных процессов в современном российском обществе. Эти траектории представляют собой главные пути, по кото-

рым осуществляется расширение и распространение в обществе криминальных моделей поведения и криминогенного мировоззрения до уровня, меняющего качество жизнедеятельности общества. С нашей точки зрения, таких главных траекторий – три: широчайшее распространение коррупции чиновников всех уровней, криминальное перерождение правоохранительных структур и постепенное сращивание их представителей с криминальными структурами, т.е. с организованной преступностью, распространение криминальных моделей поведения и специфического мировоззрения, связанного с правовым нигилизмом и социальной индифферентностью, среди широких масс населения.

В **Заключении** диссертационного исследования автор подводит итоги работы, обобщает полученные данные, формулирует теоретические и практические выводы и определяет направления дальнейших исследований, связанных с полученными результатами.

**Основное содержание диссертации отражено
в следующих публикациях**

1 Жидяева Е.С. Криминализация массового сознания и поведения на уровне повседневных практик // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 7. 0,7 п.л.

2 Жидяева Е.С. Посттрансформационный синдром как криминогенное системное состояние общества. Учебное пособие. Краснодар: ООО Издательский дом «ХОРС», 2006. 2,4 п.л.

3 Жидяева Е.С. Генерализация иллегальных социальных практик и формирование теневого социального порядка как криминогенный фактор // «Теория и практика общественного развития». 2007. № 1. 0,7 п.л.

4 Жидяева Е.С. Ценностная дезинтеграция, социальная и психологическая анония: аксиологический контекст криминализации // Актуальные социально-политические и правовые проблемы развития российского общества. Материалы I-ой Всероссийской научной читательской конференции молодых ученых. Краснодар: ООО Издательский дом «ХОРС», 2007. 0,7 п.л.

5 Жидяева Е.С. Основные траектории развития криминогенных процессов в современном российском обществе. Научное издание. Краснодар: ООО Издательский дом «ХОРС», 2007. 2,9 п.л.

Подписано в печать 01.10.2007 Бумага типографская № 1
Формат 60х84 1/16 Печ л 1
Гарнитура «Таймс» Печать RISO Тираж 100 экз Заказ 633

Отпечатано в типографии
ООО Агрофирма «Центральная»
350901, Калинино-1, г Краснодар,
ул. 40 лет Победы, 39